

Р У С С К И Й П А Л О М Н И К

СИНАЙ И ПАЛЕСТИНА

Д.Д. СМЫШЛЯЕВ

ИЗ ПУТЕВЫХ ЗАМЕТОК
1865 ГОДА

Русский паломник

Дмитрий Смышляев

**Синай и Палестина. Из
путевых заметок 1865 года**

«Индрик»

2008

Смышляев Д. Д.

Синай и Палестина. Из путевых заметок 1865 года /
Д. Д. Смышляев — «Индрик», 2008 — (Русский паломник)

Предлагаемая вниманию читателей книга Д. Д. Смышляева «Синай и Палестина. Из путевых заметок 1865 года» принадлежит перу умного и наблюдательного путешественника. Написанная живым и выразительным языком, она и сегодня сохраняет свое значение и обаяние для людей, интересующихся судьбами Святой Земли и русского православного паломничества. Текст книги печатается по первому и единственному ее изданию (Пермь, 1877) и снабжен необходимым комментарием и биографической статьей об авторе.

© Смышляев Д. Д., 2008

© Индрик, 2008

Содержание

Предисловие	6
Синай	7
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Дмитрий Смышляев
Синай и Палестина.
Из путевых заметок 1865 года

© Н. Н. Лисовой, послесловие и комментарий, 2008

© Издательство «Индрик», 2008

* * *

Предисловие

В 1865 году я имел возможность посетить Синай и важнейшие места Палестины. Отрывки из моих путевых заметок были напечатаны в следующем году в «Записках для чтения», издававшихся при «Биржевых Ведомостях».

Неожиданно лестный отзыв В. Н. Хитрово о моих заметках, помещенный в изданном им недавно «Библиографическом указателе русских книг и статей о Святых местах Востока», внушил мне мысль издать отдельной книжкой мои заметки о Синае и Палестине в пользу бедствующих семейств павших в битвах с турками черногорцев.

Не имея других средств выразить сколько-нибудь существенно мое пламенное сочувствие доблестному и соплеменному нам народу, я буду счастлив, если вырученная от издаваемого труда сумма окажет временную помощь хотя нескольким осиротевшим семействам погибших в борьбе с исламом черногорских героев.

Д. С.

Синай

От Каира до Синая. Синай

Из всех путешествий к Святым местам на Востоке поездка на Синай представляется самой трудной. Дорога идет через степь, где не только нет годной для питья воды, но даже, по большей части, ни малейшего признака растительности. Нужно запастись водою, провизиею, палаткою для защиты от степного ночного холода; единственный способ переезда – на верблюде, животном в высшей степени неприятном и справедливо названном «кораблем пустыни», так как путешествие на нем подвергает морской болезни непривычных к нему людей.

Немало хлопот с приготовлением в такой путь. Со мною решился ехать тифлисский священник П. Ф. М-ч. Отправив вперед нанятых нами чрез посредство монахов Синайского подворья (Джувание) <в Каире> верблюдов с водою и тяжелою поклажею, мы выехали через три дня, 22 января нового стиля 1865 года, по железной дороге в Суэц. Железная дорога из Каира в Суэц существует с 1855 года; она чрезвычайно облегчила путешествие поклонникам на Синайскую гору, сократив путь на целых трое суток. Мы уже имели понятие о египетской железной дороге по переезду от Александрии до Каира. Сцены ожидали нас знакомые. В одном вагоне с нами сидели два грека, не имевшие билетов; кондуктор отбирал от них, вместо билетов, по пяти франков бахчиша. Греки без всякого стыда уверяли, что этот способ переезда по железной дороге в большом употреблении между европейцами, живущими постоянно в Египте и знакомыми с обычаями и злоупотреблениями страны; они уверяли, что было бы глупо покупать билет за шестнадцать франков, когда можно проехать за пять. В вагонах курят трубки, наргиле, ставят жаровни и готовят на них кушанье, то есть жарят баранину. В Европе сочтут рассказ об этом, конечно, за выдумку. Выехавши из Каира в девять часов утра вместо назначенных восьми, мы прибыли в Суэц в два часа пополудни. Здесь существует превосходная гостиница Ост-индской компании, но в ней платят двадцать пять франков в день за пансион; для нас это было дорого и мы остановились в Hotel Victoria, где нам дали комнату, сквозь стены которой видно небо; но зато мы платили за пансион только десять франков и имели стол недурной.

Суэц стоит на берегу Суэцкого залива, в голой степи, без малейшего признака растительности и представляет, за исключением нескольких европейских зданий, отвратительно грязную груду развалин. Есть в нем два базара, на которых продают съестные припасы и разную дрянь; много кабаков, величаемых кофейнями, с громкими названиями: «Grand Café d'Europe», «Restaurant et Café des Etrangers» и т. д. При каждом из них продаются также и публичные женщины, вывезенные за негодностью с европейского материка. Опрятно одетые китайцы и индийцы, съезжающие с кораблей, стоящих в заливе, представляют приятный контраст с местным населением, которое здесь еще грязнее, чем в Каире. Вообще Суэц и вся местность, кругом лежащая, представляют самую печальную, мертвую картину.

Замечательно, что даже море во время отлива не оставляет на суше никаких водных растений и животных. В некоторых местах мы видели только лужи, вода которых окрашена в красноватый цвет, что знаменует присутствие в ней микроскопических насекомых, давших повод к названию самого моря Красным (Черным). От нечего делать мы обходили весь город, который очень невелик; видели работы Лессепсова канала¹ и готовый к открытию канал пресной воды, проведенной из Нила. Были в православной арабской церкви, похожей на мусорный

¹ Лессепс Фердинанд Мари, виконт де (1805–1894) – французский дипломат, инженер, автор проекта и руководитель строительства Суэцкого канала (1869 г.).

сарай и замечательной, кроме бедности и неопрятности, еще тем, что с нас взяли за впуск в нее бахчиш. Арабский священник говорит только на своем языке. Заходили мы также к русскому консульскому агенту, арабу, перекрестившему себя из Кушта в m-г Costin, чтобы спросить, можем ли мы положиться на арабов, с которыми отправлялись на Синай. Все, что можно еще сказать о Суэце, – это разве только то, что русские поклонники называют его *Союзом*.

24 января пришли наши верблюды, и мы в одиннадцать часов утра, запасшись свежее испеченным хлебом и четырьмя жареными курицами, выступили в степь. Усевшись на верблюжьих горбах и закутавши головы и плечи в толстые пледы, мы начали мерно и непрерывно качаться, палимые солнечными лучами, которые и в эту пору года не любят здесь шутить. Бесконечная равнина впереди, без жизни, без растительности, с Суэцом и горою Атака позади, как нельзя более печальна и утомительна. В этой несчастной пустыне множество змей, как во времена похода израильтян, и кочуют племена бедуинов, с которыми встреча бывает иногда не менее опасна, как со змеями. Но зато какие воспоминания вызывает в вас эта пустыня! Какие образы проходят пред вами!

Авраам, Иаков, еврейский народ, идущий за Моисеем; потом Сестолис, Навуходоносор, Александр Македонский, Клеопатра, Геродот, младенец Иисус, Мария; наконец, римляне, пустынные, крестоносцы. С такими воспоминаниями не видишь, как бегут часы, и не чувствуешь трудностей пути. Было почти пять часов вечера, когда мы остановились на ночлег в голой степи. Не дойдя немного до Аюн-Муса, арабы разбили нам палатку и достали откуда-то хворосту для топлива, а мы принялись хлопотать об обеде. На первый раз мы сварили тапиоку с маслом, заели жареной курицей и запили бутылкой английского пива, взятого из гостиницы. Скоро наступила ночь, первая, проведенная нами в степи. Она показалась нам очень холодной.

На другой день, 25 января, сварив кофе и дождавшись, пока арабы не испекли под золою из верблюжьего навоза свою неизменную лепешку из кукурузы, мы снялись в семь часов утра. Чрез три четверти часа пути чрез пустыню мы дошли до Аюн-Муса, маленького оазиса, который русские поклонники называют «Моисеевыми садами». Здесь действительно раскинут сад из пальм, акаций и тамариндов, между которыми разбросано несколько арабских хижин. Под сенью этих деревьев путешественник, утомленный знойной степью, находит очаровательную свежесть и прохладу. Арабское название Аюн-Муса значит «*Моисеевы ключи*». Здесь, по древнему арабскому преданию и согласно с учеными разысканиями, израильтяне останавливались на короткое время по переходе чрез Чермное море; здесь они пели песнь Вечному, избавившему их от египетского ига. Песнь эта сложена Моисеем и представляет один из лучших памятников древней священной еврейской поэзии (Исх. 15, 1–19).

Жрецы Гелиополиса, считавшиеся, по свидетельству Геродота, учеными людьми своего времени, оставили о переходе израильтян чрез Чермное море сказание, в высшей степени замечательное своей близостью к библейскому рассказу. Оно сохранено Геродотом в следующем виде: «Моисей ударил жезлом своим море – и оно разделилось надвое и дало возможность израильтянам перейти его посуху; но египтяне, преследуя их по следам, вошли в море и перед ними блеснуло пламя – и море снова вошло в свое ложе, так что египтяне погибли все, кто от огня, кто от воды, а израильтяне спаслись от гибели».

Источники Аюн-Муса, орошающие всю эту местность и наделяющие ее растительностью, имеют воду солоноватую и для питья негодную. Отсюда глазам путешественника вся окружающая панорама представляется как на ладони. С одной стороны видны Суэцкий залив, гора Атака и город Суэц; по левую руку от пути к Синаю тянутся голые небольшие возвышенности, впереди – мертвая равнина. Во весь день видны были справа – море, слева – волнообразные холмы, впереди – бесконечная песчаная равнина, обильно усеянная аравийским сланцем, на котором, как на стекле, ярко горели солнечные лучи и болезненно били в глаза, несмотря на то, что мы были защищены темными очками и вуалями. Во весь день мы не встретили ни малейшего признака растительности. Устав от езды и зноя, мы остановились на ночлег в три

часа тридцать минут в долине *Сэдэр*, сварили на спирту тапиоку с сахаром, заели жареной курицей и в тени палатки искали отдохновения. Ночь по-прежнему была очень холодная.

26 января мы тронулись в путь в семь часов утра. От *уади* (долины) *Уардан* равнина перебивается песчаными и известковыми холмами; аравийский сланец блестит по всей степи; море видно только по временам. Несколько воронов и какие-то две птички пепельного цвета пронесли над нашими головами; кроме того, на песке видны следы мелких птиц, зверьков, средней величины ящериц и змей. В четыре часа мы стали на ночлег в уади *Хуара*. Здесь есть источник горько-соленой воды, накапливающейся в углублении из известкового шпата. Это самая негодная для употребления вода на всем Синайском полуострове; ее не пьют даже верблюды. Неподалеку от источника растут куст пальмы, несколько чахлах тамариндов и колючее растение *кхаркад* (*Peganum retusum*). По мнению Буркхардта, это место есть библейская *Мерра*. Израильтяне не могли пить горькой воды источника и возроптали на Моисея. Моисей возопил к Господу – и Господь указал ему дерево, которое он бросил в воду источника, и вода стала годною для питья (Исх. 15, 23–25). Буркхардт полагает, что дерево это было кхаркад, ягоды которого будто бы имеют свойство исправлять горькую воду.

27 января, отправившись в путь в половине восьмого, мы вскоре вошли в уади *Кхарандель*. Здесь полагают упоминаемый в книге Исхода *Элим*, где израильтяне нашли двенадцать источников и семьдесят пальм. В настоящее время здесь находится несколько скудных природных артезианских колодцев; их можно заметить по влажности песка; в этом песке вырывают ямку, в которой и накапливается солоноватая вода, охотно употребляемая верблюдами. В глубине долины есть более пресный источник, водой которого арабы запасаются обыкновенно на дальнейший путь. Уади Кхарандель представляет самый большой оазис на всем пути от Каира до Синая; растительность тянется здесь версты на две. При входе в долину красиво раскидываются три пальмовые деревья и несколько таких же кустов; затем во всем оазисе видны только кудрявые кусты тарфы (*tamarix mannifera*) и расползается по земле около пальм уже известный нам кхаркад. Этими тремя видами и ограничивается флора оазиса.

В двух с половиной часах отсюда мы снова проехали через небольшой оазис уади *Усэит*, в котором видели несколько пальм и кусты тарфы; на почве – засохшие следы проливного дождя. В часе с четвертью отсюда начинается широкая и бесплодная уади *Куэсиег*. При входе в нее видна двойная вершина горы *Сербат-эль-Джемели*, которая по мере углубления в долину скрывается. Долина поворачивает мало-помалу на восток. Днем дул свежий ветерок. В четыре часа тридцать минут мы стали на ночлег в уади *Хумр*. От уади Кхарандель израильтяне поворотили к берегу моря и после остановки там двинулись вправо от нашего пути, в уади *Мокатеб*, знаменитую своими синайскими надписями, от которых она и получила свое название, значащее в переводе: «писаная долина». Это библейская Синайская пустыня.

28 января мы тронулись с места в семь часов тридцать минут. Здесь окружающая пустыня принимает все более неотрадный вид. Всюду горы, песок, угловатые камни и больше ничего. Появляется, впрочем, еще весьма колючий и деревянистый бурьян; верблюды с жадностью обрывают каждый куст, отчего переход замедляется. На песке видны следы змей огромных размеров (аспидов – *vipères* – которые преимущественно здесь водятся). В четыре часа тридцать минут мы прибыли в уади *Эль-Насэб*, где и остановились на ночлег.

29 января, снявшись в семь часов, мы чрез полчаса вошли в широкую и ровную долину *Кхамили*, обставленную с обеих сторон высокими отвесными гранитными утесами. Бурьян становится обильнее; является вид его с острыми, жесткими, в вершок², иглами, составляющий любимую пищу верблюдов. В уади *Барак* встречаются следы множества змей, скорпионов, тарантулов; видели также несколько птичек, которых макушка головы и гузка белые, остальное черное; при нашем приближении пробежал заяц и несколько куропаток взбежало на скалы.

² Вершок – русская мера длины, равная 4,4 см.

Две арабские женщины пасли небольшое стадо вислоухих и тощих коз. В этой же долине мы проехали мимо двух арабских кладбищ. Свежие могилы забросаны иглистыми ветвями сэйяля, в защиту, вероятно, от диких зверей; на старых воткнуты стоймя камни и на некоторых навиты пучки бурьяна. Кругом голые, обожженные солнцем утесы без малейшего признака растительности. На дне долины довольно бурьяна и колючих деревьев, дающих аравийскую камедь и называемых арабами сэйяль. По песку стелется какое-то мертво-бледное растение, производящее отвратительно горького вкуса плоды, видом похожие на большие яблоки бледного цвета. Их не едят даже верблюды. За полчаса от входа в долину *Хэнэ*, высоко в утесах, – ключ сносной воды. Почва в уади *Кхамили* ровная, твердопесчаная; в уади *Барак* путь поднимается в гору по угловатым камням и поэтому труден и неприятен. Невдалеке от вершины горы *Лебау* мы стали на ночлег в долине *Хэнэ*.

30 января солнце уже сильно палило, когда мы в половине восьмого снова отправились в путь и, перевалиясь чрез вершину горы *Лебау*, спустились в долину того же названия, прошли через уади *Барег*, уади *Акхадар* и вступили в уади *Эльшейх*. При входе в последнюю исследователи библейской старины предполагают *Рэфидим*, где Моисей извлек воду из утеса ударом жезла. И теперь есть тут источник хорошей воды, вытекающий из скалы. Здесь большая часть арабов, нас провожавших, ушла в горы, к своим семьям. Мы остались с стариком шейхом и двумя мальчиками и, сделав трудный переход чрез горы, остановились в виду синайской группы в четыре часа тридцать минут. Недалеко кочевала семья шейха, который принес нам яиц и крошечного козленка. После ежедневной рисовой каши, тапиоки и дряблого картофеля мы были очень рады свежим припасам. Ночь была против ожидания теплее обыкновенного.

31 января мы прошли чрез долину *Салаф*, где уже чаще виднеются пасущиеся стада и кочующие бедуины, чаще встречаются источники пресной воды и зеленеющая почва. Здесь нам предстоял весьма трудный переход через узкое ущелье, над обрывами в пропасти и по грудам чрезвычайно угловатых камней, *Накб-Гауа* («путь ветров»), в глубине которого есть три источника, из которых один годный для питья. Отсюда впервые глазам путешественника представляется священная гора во всей ее дикой и величественной красоте. При выходе из ущелья начинается широкая долина *Эр-Рагах*, идущая покато до самого синайского монастыря. В этой долине стояли станом израильтяне во время пребывания Моисея на Синае. Здесь перед нашими удивленными взорами развернулась дивная панорама. Две цепи высоких вулканических гор тянутся параллельно на огромном пространстве, потом соединяются вместе, образуя род бесконечного амфитеатра. Между этими скалами – широкая зеленая равнина, которая, возвышаясь постепенно, проходит в самую глубь амфитеатра. На правой оконечности этой равнины, у самого подножья горы *Джебел-Муса*, стоит монастырь, подобно крепости.

В двенадцать часов тридцать минут пополудни мы подошли к самому монастырю. Нас заметили оттуда, как только мы показались вверху долины, которая постоянно спускается до самого монастырского ущелья, и при нашем приближении выкинули монастырский флаг с изображением агнца. Когда мы подъехали под стены, то на восточной стороне, вверху, открылось большое окно, защищенное деревянным навесом. В окне сидело несколько монахов, между которыми был эконоом отец Геннадий – род интенданта монастыря по своим обязанностям и кругу действий. Собственно говоря, он первое лицо в монастыре, ибо на долю настоятеля оставлена исключительно духовная власть.

Отец Геннадий говорит бойко по-русски, но с акцентом, свойственным русским евреям, которых отец эконоом напоминает тоже манерами и чертами лица. Вообще, на грека он не похож. К нам спустили железный крюк, на который мы привесили письмо, полученное нами от настоятеля греческого монастыря (*Джуваниэ*) в Каире, и его подняли кверху. Отец Геннадий прочитал его и ушел. Он заставил нас довольно долго дожидаться резолюции и наконец, не торопясь, спустился вниз и велел поднимать известным уже нам крюком вещи наши кверху. Несмотря на то, что в письме значился сан моего товарища, имевшего от патриарха Алексан-

дрийского благословение на совершение богослужения в Синайском Екатерининском монастыре, о чем в письме также было прописано, отец Геннадий оказался человеком малоприветливым – он едва нам поклонился, а на мой вопрос: где он выучился так хорошо говорить по-русски, отвечал сухо: «Не знаю».

Это нас задело за живое, и я напомнил отцу Геннадию, что монастырь, в котором мы ищем приюта после долгого и утомительного пути, получает огромные пособия из России, и что, помимо этого, не имея иного пристанища и не рассчитывая на гостеприимство даровое, которым никто из русских в монастыре не пользуется, мы считали себя вправе ожидать более радужного приема от наших единоверцев. Я прибавил к этому у, что не верил рассказам русских поклонников, возвратившихся с Синая и встреченных мною в Каире, о весьма презрительном с ними обращении в монастыре, но теперь собственным опытом убедился, что жалобы поклонников были справедливы; а это побуждает меня заявить о подобной несправедливости в первом русском консульстве и огласить также по возвращении в Россию.

После такого протеста отец Геннадий внезапно переродился, начал суетиться и предлагать с своей стороны все зависящие от него услуги. Когда вещи наши все были подняты, он повел нас в монастырь чрез новые ворота, за которыми строится прекрасное здание гостиницы для европейских *иноверцев*. Затем мы прошли через калитку, устроенную в заложенных давно старинных, больших воротах, и через лабиринт узких улиц и закоулков – внутрь монастырских построек. Неизвестно, когда были замурованы старые ворота. Из рассказов давних путешественников видно только, что в 1598 и 1647 годах они были открыты: чрез них входили Гаран де Польшиц и Монконис; но в 1722 году глава францисканского ордена поднимался по веревке через окно, о котором выше была речь.

Ставши любезным, отец Геннадий отвел нам одну из лучших комнат, назначенных для приезжих. Пол из каменных плит, кровать с тюфяком, чистым бельем и теплым одеялом, кругом восточные диваны с подушками, покрытые ситцем, и ситцевые занавески у трех окон, из которых одно, рядом со входною дверью, выходит на галерею здания, а два другие в сад, к стороне Эр-Рагах; посредине круглый стол, покрытый белою скатертью, на котором поставлена лампада с деревянным маслом в большой рюмке. Некрашенные двери покрыты множеством надписей, оставленных путешественниками. Между ними красуется и «Росс – Петр Соловьев», а несколько ниже: «Петр Николаевич С-в, воспитанник С.-Петербургской духовной семинарии, пришедший поклониться Неопалимой купине и отправляющийся через Петру и Хеврон в Иерусалим 1850 года» и «монах Иеффай, Киевопечерской лавры, 1848 года»; потом какие-то: «Анна», далее «Клеопатра Богуславская, 1849», а затем множество английских имен с прибавлениями: «New York», «Boston» и т. д. Есть и интересные отметки, которыми я в своем месте воспользуюсь.

Деревянная галерея гостиницы покрыта сплошь самыми подробными адресами русских поклонников. Крупный и развалистый шрифт этих адресов невольно бросается в глаза, напрашиваясь, так сказать, на прочтение. С галереи видна плоская крыша мечети, а влево возвышается ее минарет, увенчанный полумесяцем; тотчас же за крышей мечети видна верхняя часть главного фасада большой церкви монастыря; позади церкви, несколько вправо и выше ее – монашеские кельи, двери которых выходят на деревянную галерею, подобную галерее гостиницы; правее – архиерейский дом, а затем видны высокие стены, наподобие крепостных, полуразрушенные верхушки башен, кипарис с накренившимся на верхушке его деревянным крестом и, наконец, просто «крыши, насаженные одна на другую», как на миргородском доме Ивана Ивановича³. Помимо главных зданий, общая картина крыш, стен, полуразвалившихся галерей, идущих навстречу одна другой, соприкасающихся под всеми возможными углами и видимо избегающих параллельных линий и перпендикуляра, представляет действительно

³ Имеется в виду персонаж Н. В. Гоголя из «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем».

такие сочетания, какие трудно скоро сообразить и нелегко уловить даже опытному рисовальщику. Поэтому-то, вероятно, и архимандрит Порфирий, в числе рисунков к своему «Путешествию на Синай»⁴ поместивший и вид монастыря с галереи гостиницы, привел множество подробностей к одному знаменателю, заменивши их попросту одной какой-нибудь фантастической крышей или стеною, что принужден был сделать и я при моей попытке набросать в альбоме вид монастыря.

По обе стороны монастыря как колоссальные кулисы встают гранитные отвесные скалы: влево – горы Св. Епистимии, вправо – Синая и Хорива; прямо на юг картина замыкается полукруглым холмом, составляющим продолжение подножия Синая. «Постройка монастыря относится к 527 году по Рождестве Христове и приписывается императору Юстиниану. Главная церковь его построена, по всей вероятности, позже. Она весьма замечательна по своему стилю, представляющему смесь византийского и романского» (Taylor, 366)⁵. Она воздвигнута во имя св. Екатерины великомученицы, мощи которой покоятся в алтаре. Самое замечательное украшение в церкви представляет древняя мозаика, покрывающая полусвод горнего места. В верхней части рисунка виден Моисей, коленопреклоненный перед горящею купиною; правее – он же, принимающий десять заповедей от Бога; в глубине свода Преображение Спасителя: посреди Христос, по правую руку Илия, по левую – Моисей. Внизу картины – апостолы Иоанн, Петр и Иаков, пораженные зрелищем Божества; кроме того, в самом верху свода два медальона изображают основателей обители – императора Юстиниана и его супругу Феодору. Пояс свода и нижнюю часть мозаики составляют изображения многих святых.

Замечательно, что как на этой мозаике, так и на всех старинных мозаиках и миниатюрах восточного происхождения Моисей постоянно изображается молодым человеком, без бороды, в синей тунике и белом хитоне. Мозаичные изображения на своде горнего места наводят на предположение, что церковь первоначально была посвящена Преображению Господню.

В алтаре, как выше упомянуто, находятся мощи св. Екатерины; они покоятся в саркофаге из белого алебаstra; крышка его не поднимается, но выдвигается, когда мощи показываются поклонникам, и обыкновенно заперта на большой висячий железный замок. Возле этого саркофага стоит великолепная серебряная рака с живописным изображением св. Екатерины на крышке, пожертвованная, кажется, графиней Орловой-Чесменской⁶; она по сие время остается пустой. Вместе с мощами св. Екатерины сохраняются и частицы мощей учителей церкви: Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого.

Позади алтаря находится придел Неопалимой Купины, стены которого выложены расписными изразцами, а пол покрыт персидскими коврами. Место, где, по предположению, Бог явился Моисею в виде Неопалимой Купины, выложено серебром. Всякий входящий в этот придел обязан снимать обувь.

В церкви находится довольно свежего произведения икона Божией Матери, приписываемая монахами кисти св. евангелиста Луки. Церковные двери замечательны древней резной работой и металлическими инкрустациями. Кроме главной церкви, в монастыре находится двадцать четыре разные церкви и часовни, из которых многие принадлежали в древние времена католикам, арабам и коптам. Мечеть, о которой упомянуто выше, выстроена для торских⁷ арабов, занятых работами в монастыре.

⁴ Порфирий (Успенский), епископ. Восток христианский. Египет и Синай. Виды, очерки, планы и надписи. Б.м., 1857.

⁵ Taylor B., Reybaud L. La Syrie, l'Egypte, la Palestine. Paris, 1839.

⁶ Орлова-Чесменская Анна Алексеевна (в монашестве Агния, 1785–1848) – графиня, дочь видного сподвижника Екатерины II, государственного деятеля и флотоводца графа А. Г. Орлова-Чесменского. Унаследовав огромное состояние своего отца, много занималась церковной благотворительностью, в том числе на Православном Востоке. В алтаре Преображенского собора в Синайском монастыре находятся две серебряных раки для мощей св. Екатерины русской работы. Одна, как указано в надписи на ней, является вкладом царей Петра и Иоанна Алексеевичей и царевны Софьи и датируется 1689 г. Другая, «с живописным изображением святой на крышке», была пожертвована в обитель в 1860 г.

⁷ «Торские арабы» – жители селения Эль-Тор, древней Раифы.

В стенах монастыря находится также источник, у которого, как думают, Моисей встретил дочерей Иофора. Возле него растет весьма древний кипарис. Путешественник Мандевиль, посетивший монастырь в 1322 году, оставил следующий наивный о нем рассказ:

«На Синае есть обитель монахов, прочно устроенная, с железными дверями, из опасения диких зверей, и монахи делают много добра грекам. И есть там большой монастырь, и они (*то есть монахи*), как отшельники, не пьют вина, исключая торжественных дней, и очень набожны и живут чисто и просто, (*питаясь*) финиками и подвергая себя большому воздержанию и покаянию. Там есть церковь Св. Екатерины, в которой много горящих лампад, ибо в оливковом масле нет недостатка (как для горения, так и для кушанья, и они имеют его также чудесным образом от Бога, ибо *вороны, и вороны, и ястребы, и другие птицы из окрестностей собираются раз каждый год и летят туда, как бы на поклонение, и каждая несет ветвь оливкового дерева в клюве, в знак жертвы, и оставляют их там*, и монахи делают масло, что есть большое чудо!..) И как птицы, которые не имеют природного разума, прилетают молиться к Преславной Деве, то кольми паче должен человек думать об исполнении этого! Также позади церковного алтаря находится место, где Моисей видел Господа нашего в горящем кусте; и когда монахи входят в это место, то снимают обувь, на том основании, что наш Господь сказал Моисею: „Сними обувь, ибо место, на котором стоишь, – святая земля“. И это место монахи называют *Безелэль* (по-арабски), что значит «тень Бога». И в большом алтаре, на возвышении из трех ступеней, – гробница св. Екатерины из алебаstra, где кости тела ее хранятся. И настоятель монахов показывает мощи поклонникам и неким серебряным инструментом трет кости, и из них отделяется немного мирра, подобного поту, которое не похоже ни на масло, ни на бальзам (*ni olle, ne basme*), и от него он дает мало поклонникам, ибо оно не исходит в большом количестве. И потом он показывает рубище св. Екатерины и ткань, в которую блаженное тело ее было обернуто (во время перенесения) до горы Синай, и называют кустарник, который *горит* (*sic*), не сторяя (?), в котором Господь говорил Моисею, и других святынь довольно... Также перед дверью есть источник, где Моисей ударил в камень и из него истекла вода... От этого аббатства всходят на Моисееву гору, по многим ступеням, и там находят церковь во имя Богоматери. Выше, на этой самой горе, есть часовня Илии Пророка, и это место называют Хорив, о котором говорит Св. Писание... И там есть виноградник, который насадил св. Иоанн Евангелист (?), и виноградник этот называют *scaphis* (вероятно *staphides*, что значит по-гречески «виноградные ягоды», если не ошибаюсь). И немного ниже – часовня Моисея и скала, к которой в страхе откинулся Моисей, узрев Бога лицом к лицу, и в этой скале отпечаток его тела, который чудом Божиим выдавился в скале от сильного в нее удара тела Моисея. И выше там есть место, где наш Господь дал Моисею десять заповедей, и под скалою есть пещера, где Моисей жил, когда постился сорок дней. От этой горы проходят через большую долину, чтобы идти на другую большую гору, гораздо более высокую, где св. Екатерина была погребена ангелами. И в долине, внизу, есть церковь Сорока Мучеников, и там монахи часто совершают богослужение. И эта долина очень холодная. И потом всходят на гору Св. Екатерины, которая гораздо выше Моисеевой горы. И там, где св. Екатерина была погребена, нет ни церкви, ни часовни и даже никакого иного жилища. Кажется, была там часовня, но она разрушена, так что есть только куча камней вокруг места, где тело лежало, будучи положено ангелами. В этом месте, о котором сборная молитва (*la collecte*) св. Екатерине говорит, что все было в одном месте, где наш Господь дал десять заповедей Моисею и где была святая дева погребена, – это надобно разуметь: в одной стране или в одном месте, где находится гора, ибо ту и другую называют горою Синаем. Но большое расстояние находится от одной до другой и большая долина и глубокая между ними» (*Voyage et la description de la Terre Sainte, par Jean de Mandeville* <Жан де Мандевиль. Путешествие и описание Святой Земли>. Рукопись 1357 года, приведенная у Тэй лора, стр. 363).

Слава монастыря и особенная преданность поклонников и рыцарей средних веков св. Екатерине послужили поводом к учреждению кавалерского ордена, о котором Кварезмиус оставил некоторые любопытные подробности:

«Орден Св. Екатерины Синайской горы так назван потому, что учрежден в честь этой преславной девы. Те, которых им украшают, принимают его возле могилы святой девы, на горе Синае, в том виде, как и кавалеры Святого Гроба. Когда долженствующий его получить прибывает в греческий монастырь Св. Екатерины, то по отслушании литургии, совершаемой настоятелем, и по принятии таинства Евхаристии он подвергается тем же вопросам и испытаниям, как и кавалеры Гроба Господня, и потом он посвящается настоятелем в кавалеры на самой могиле св. Екатерины. Кавалеры этого ордена носят одежду, украшенную на левом плече пятью крестами, подобными крестам Гроба Господня, посреди которых находится колесо о шести пальцах с серебряными гвоздями – символами пыток святой их покровительницы. Это описание одежды кавалеров ордена Св. Екатерины дает Фавен. Мененний же говорит, что они имеют единственный знак колеса красного цвета, чрез которое проходит шпага, что мне кажется более соответствующим истории мучений святой. Полагаю, что число кавалеров этого ордена очень невелико, сколько потому, что он мало известен, столько и потому, что редко предпринимаются путешествия на Синай. И так как он дается теперь настоятелем-*схизматиком*, то полагаю, что католик не скоро решится его принять. Я никогда не видал ни одного ордена и не знаю даже, дает ли его грекам настоятель монастыря» (Кварезмиус, католик, путешествовал в XVII столетии и издал описание путешествия на латинском языке в 1639 году)⁸.

Надобно полагать, что в манускриптах монастырской библиотеки находятся статут и имена членов этого забытого ордена. И вообще, продолжительное существование Синайского монастыря, по всей вероятности, не лишено интересных эпох и важных случайностей, сведения о которых должны находиться в его библиотеке. К сожалению, монахи, отдавшиеся вполне своей отшельнической жизни, размеренной на целые столетия относительно религиозных обрядов, трапез и послушнической деятельности, совершенно не интересуются ни историей монастыря, ни библейскими разысканиями, вполне удовлетворяясь темными и неопределенными преданиями, устно переходящими от стариков к молодым. Так, например, в саду находятся развалины башни, постройку которой они приписывают императрице Елене прежде возникновения самого монастыря. Потом, у них сохранилось предание о набеге какого-то «царя», который хотел завладеть монастырем и приготовился уже к приступу, но один из советников его указал ему на существующий донныне минарет, возвышающийся из-за стен, и сообщил предположение, что тут должны жить мусульмане, ибо виден минарет, а христианского храма не видно. «Царь» согласился с мнением советника, снял осаду и оставил монахов в покое.

А библиотека монастыря действительно богата рукописями греческими, еврейскими и арабскими, и некоторые ученые, посещавшие монастырь, сделали уже в ней открытия, полные высокого интереса. Так, лет двадцать тому назад германский ученый Константин Тишендорф нашел в ней древнейшее собрание книг Нового Завета, относящееся ко времени императора Феодосия, царствовавшего в IV веке по Р. Х., и издал их, посвятив свой труд Императору Александру II. Роскошно напечатанный на пергаменте экземпляр этого издания с целым томом комментариев издателя на латинском языке я видел в монастырской библиотеке. Текст этого собрания древнее текста, нами принятого, целым столетием. Кроме книг, заключающихся в нашем Новом Завете, в этом собрании находятся считавшиеся доселе утраченными два неканонические послания апостола Варнавы к Коринфянам. Монахи жаловались, что Тишендорф

⁸ Имеется в виду классическая работа францисканского ученого Франческо Кварезми «Святая Земля с историческими, богословскими и нравственными комментариями» (Quaresmi Francesco. Historica, Theologica et Moralis Elucidatio Terrae Sancte. Anversa, 1634–1639).

не возвратил им подлинника, который, как известно, он принес в дар Императорской публичной библиотеке в С.-Петербурге⁹. И хорошо, конечно, сделал.

Помянутое собрание составляло прежде достояние Александрийской патриархии, откуда передано в Синайский монастырь относительно в недавнее время. Кроме этого собрания, находятся в библиотеке екатерининского монастыря все творения Иоанна Златоустого, в четырех томах, писанные, как говорят, им собственноручно. Во всяком случае, рукописи эти, по предположению европейских ученых, могут быть современны автору и писаны все одной рукой. Английский путешественник Буркхардт, бывший на востоке в 1810–1812 годах, рассматривал арабские рукописи библиотеки и не нашел в них, по его отзыву, ничего особенно интересного. Могло быть, что ему всего и не показали, ибо греческие монахи вообще недоверчивы к иностранцам, и открытие Тишендорфа есть лишь счастливое исключение.

Есть у них также небольшое собрание и русских печатных книг; но все это такой хлам, что надобно удивляться, как он мог составиться. Вероятно, многие книжки занесены русскими монахами и поклонниками. Тут есть и метафизика какого-то старинного киевского профессора, и арифметика Меморского, и даже «Пансальвин, князь тьмы»¹⁰. Я с удовольствием нашел лишь «Часы благоговения»¹¹ – прекрасное творение анонимного немецкого автора, переведенное когда-то на русский язык и сделавшееся теперь библиографической редкостью. В молодости я любил это творение и теперь с удовольствием пробежал некоторые статьи. Благодарность доброму человеку, который занес эти книги в Синайский монастырь! В них говорится о Боге, о величии Его творений, и вся природа Синая громко отвечает: «Аминь!» – и библейские события, совершившиеся вблизи, а может быть, и на самых этих утесах, живой панорамой встают перед глазами... В числе книг духовного содержания я нашел несколько разрозненных томов «Воскресного Чтения»¹², «Творений архиепископа Иннокентия»¹³ и т. д.; кроме того, мне показали атлас рисунков к «Путешествию на Синай архимандрита Порфирия»; текста, к сожалению, в библиотеке не оказалось.

При монастыре существует большой сад, в котором растут: миндаль, бывший при нас в полном цвету, апельсины, кислые как лимон и вместо него употребляемые, и пресно-сладкие лимоны (род цедра), служащие вместо апельсин, но далеко не столь вкусные, рожковые деревья, гранаты, груши, смоквы, тамаринды, прекрасные кипарисы, абрикосы и сэйаль – дерево, дающее аравийскую камедь. Пальмы нет ни одной, хотя на рисунке архимандрита Порфирия и изображены две большие пальмы даже внутри монастыря. Между деревьями, в саду, поделаны гряды, на которых растут редька, лук (*басала* по-арабски), цветная капуста и салат-латук, служащие для продовольствия монахов. Большой и глубокий артезианский колодезь (природный) дает воду для орошения этого прекрасного сада.

⁹ Тишендорф Константин фон (1815–1874) – немецкий исследователь Библии, профессор Лейпцигского университета. В 1844 г., во время первого путешествия на Восток, обнаружил в Синайском монастыре фрагменты древнего пергаменного списка Нового Завета, который оказался впоследствии частью древнейшей греческой рукописной Библии. Из своего третьего путешествия, предпринятого за счет русского правительства, в 1859 г. Тишендорф привез в Россию остальную часть рукописи, известную ныне под названием Синайского кодекса (Codex Sinaiticus, IV в.), и издал ее в Петербурге в 1862 г., к юбилею 1000-летия Руси, факсимильно, в четырех томах. В 1869 г. приобретение Кодекса было оформлено как дар Синайского монастыря императору Александру II. Памятник хранился в Публичной библиотеке в Петербурге, в 1933 г. продан советским правительством Британскому музею.

¹⁰ Книга представляет собой завуалированный в виде романа политический пасквиль против выдающегося русского государственного деятеля, полководца и реформатора князя Г. А. Потемкина-Таврического (1739–1791), появившийся на немецком языке в 1794 г. и изданный в русском переводе В. А. Левшиным в 1809 г.

¹¹ «Часы благоговения» – книга религиозно-нравственных бесед немецкого писателя Генриха Цшюкке (1771–1848), впервые изданная в 1808–1816 гг. Неоднократно выходила в русском переводе (Часы благоговения для споспешествования истинному христианству и домашнему богочтению. Ч. I–VI. СПб., 1834, и др. изд.).

¹² «Воскресное чтение» – богословский журнал Киевской Духовной Академии, основанный и возглавлявшийся в 1837–1841 гг. ректором Академии, архимандритом (впоследствии архиепископом) Иннокентием (Борисовым).

¹³ Имеются в виду сочинения архиепископа Херсонского и Таврического Иннокентия (Борисова) (1800–1857).

В саду находятся развалины башни, о которой говорено выше, а возле нее – подземелье, где сохраняются кости усопших братий, составляющее одну из замечательностей монастыря. Несколько ступеней из сада ведут в углубление, полузащищенное от дождя и солнечных лучей плоской крышей, имеющей в середине большое квадратное отверстие. По левую руку от лестницы виден полуобрушившийся вход в подземелье, углубляющееся под башню Елены; по правую руку, подле лестницы, дверь в небольшую церковь, где совершаются отпевание и поминовение усопших; правее, прямо против входа в упомянутое выше подземелье, низкая дверь, обитая сплошь толстым полосовым железом и запертая большим висячим замком, ведет в *усыпальницу*. Перед этой дверью, на квадратной небольшой площадке, под крышей, видны две могильные насыпи и ящик, окрашенный черной краской, с крестом и греческими белыми надписями по стенкам, служащий для перенесения усопших братий из монастыря.

Способ сохранения тел умерших, существующий в Синайском монастыре, весьма оригинален. Когда умирает один из братии монастырской, его погребают на той площадке, где мы видели две могильные насыпи; но чрез два, иногда чрез три года тело откапывается и подвергается осмотру. Если не заметно признаков разложения, то, по мнению монахов, усопший не помилован Творцом; над ним читаются особенные на этот случай разрешительные молитвы и усопший снова возвращается в могилу. Чрез год или более его снова откапывают и, когда признаки разложения окажутся удовлетворительными, его вынимают окончательно из могилы, очищают от земли и остатков одежды, обособляют череп, руки, ноги и туловище и раскладывают их порознь, в разные кучи: череп к черепам других усопших, остальное в другие кучи, где сохраняются остальные части скелетов. Кости, более или менее пожелтевшие, считаются знаком милосердия Божия к усопшему; а кости, отделяющие при этом особенного свойства елей, – за кости праведников: они помещаются особо и им отдаются большие почести.

Нас ввел в усыпальницу один из послушников монастыря, с кадилом в руке, ибо в подземелье, несмотря на люминарий, сделанный в своде наподобие люминариев римских катакомб, воздух довольно спертый. При входе, в который иначе нельзя проникнуть, как согнувшись, мы увидели икону Симеона Пустынника, подвизавшегося в одной из пещер синайских. Тотчас же за этой иконой находится большая груда правильно сложенных черепов, которых тут по меньшей мере до семисот. У стены, противоположной входу, большое пространство занято другими частями скелетов, сложенных также в большом порядке. К своду подвешены на железном крюке кости одного из схимников, весьма темные и покрытые как бы потом, и с ними власница из грубых пальмовых волокон, в которой подвизался умерший. Подойдя к этим костям, послушник преклонил колени, перекрестился и поцеловал их, пригласив и нас сделать то же.

Из этого отделения низкая дверь ведет в другую подобную крипту. У самого входа мы увидели по правую руку в простом четырехугольном ящике цельный скелет в сидячем положении. На плечи его накинута в виде мантии большой лоскут белой шелковой материи, из-под которого видна уцелевшая на усопшем холщовая рубашка; на шею накинута четки, а на голом черепе надета малинового бархата шапочка, с широким золотым позументом по краю и с таким же крестом на верхушке. Это бывший привратник монастыря, умерший в сидячем положении, так погребенный и впоследствии сохраняемый. За ним значительное пространство у стены занято опять черепами, а у противоположной стены – остальными частями скелетов. Возле привратника, на земле, в простом деревянном ящике, в аршин длиною и поларшина шириною, сложены кости последнего архиепископа, умершего на Синае, вместе с облачением, на нем сохранившимся. Кости эти темно-бурого цвета, а голова почти нетленна и на ней сохранились даже в целости борода и волосы; из левого глаза исходит благоухание, напоминающее розовое масло. Останки эти очень уважаются, и послушник отдал им те же знаки уважения, как и костям, сохраняющимся в предшествующей крипте. Затем, на небольшом рундуке в три четверти арш<ин> вышиною, идущем вдоль стены, противоположной двери, поставлено до пятнадцати старых небольших ящиков с плохими крышками сверху, раз-

ных размеров, в которых хранятся скелеты архиереев Синайского монастыря, с найденными на них остатками облачений. На деревянном столбе, подпирающем посредине ветхий свод крипты, возле люминария, повешены разные орудия подвижничества усопших, как-то: железные вериги, власяницы и т. д. Черепа усопших, сохраняющиеся в обеих криптах, совершенно обнажены; но остальные части скелетов по большей части покрыты кожей, и есть даже такие, которые, без преувеличения, можно назвать нетленными; особенно некоторые руки и ноги сохранились в поразительной целости, даже цвет кожи не изменился. Необыкновенная сухость здешнего климата и почти совершенное отсутствие насекомых, столь бесчисленных в других странах, препятствуют разложению, обыкновенно совершающемуся так быстро в странах влажных и обильных насекомыми.

Жизнь синайских монахов вообще довольно тяжела; при климате, требующем пищи легкой и удобоваримой, обычная трапеза их в состоянии расстроить самый здоровый непривычный организм. Она состоит из хлеба столь дурного качества, какого я никогда не видал и которого не могли даже есть бывшие здесь недавно русские поклонники. К хлебу подается чашка тюри из риса или из трав с оливковым маслом, апельсин вместо лимона и лимон, исправляющий должность апельсина, и все это запивается чаркой мастики – напиток, к которому тоже надобно привыкнуть, чтоб находить в нем какой-нибудь вкус. По праздникам дается тюрка из соленой рыбы и прибавляется к обыкновенному столу чарка красного вина, весьма дурного качества. Из стен монастырских монахи выходят редко, и единственное удовольствие их – прогулка по саду, среди которого находится описанная уже усыпальница, напоминающая ожидающую их участь. Недаром наместник Патриарха в Каире говорил мне, что для греческих монахов Синайский монастырь – все равно, что Сибирь для русских: за вины их ссылают на смирение на Синай.

Вот все, что видел я интересного в стенах монастыря. Обращаюсь теперь к окрестностям. Выше уже говорилось о долине *Эр-Рагах*. Полная дикого величия, идущая скатом к монастырю, неравномерно выпуклая посредине и опускающаяся к краям, обставленная с обеих сторон гранитными вертикальными скалами с обрывисто осыпающимися подошвами и замкнутая сверху утесами, наполовину скрытыми за ее выпуклостью, – она видна почти на всем своем протяжении с террасы монастырских стен. Согласно с преданиями и исследованиям и ученых (Robinson, Biblical Researches)¹⁴, на ней стояли станом израильтяне во время пребывания Моисея на Синае. Размеры ее таковы, что могли быть достаточными для массы израильтян, достигших этого места. Средняя ширина ее около 900, длина до 2300 метров. Сверх того, к ней прилегает широкий вход в долину *Эль-Шейх* с одной стороны и большое ровное пространство устья долины *Эль-Леджа* с другой. На восток от монастыря видны величественные гранитные утесы горы *Эль-Деир*, а с запада стены монастыря примыкают к подошве еще более грозных утесов Хорива (*Джеббель-эс-Сафсафег* по-арабски), за которыми на юго-западе упираются в небеса колоссальные массы Синая (*Джеббель-Муса* по-арабски).

Монастырь стоит на высоте 1635 метров (по наблюдениям доктора Рюппеля) над поверхностью моря. Синай достигает высоты 2285 метров. Выход на эту гору, несмотря на крутые утесы, не представляет больших затруднений, ибо по всему пути до самой вершины устроен род ступеней из камней, сложенных один над другим. Через полчаса по выходе из монастыря встречается под огромным камнем ключ хорошей воды. Под этим камнем подвизался Симеон Пустынник. Арабы называют ключ *Майян-эль-Джеббель*. Через сорок минут от этого места достигают небольшой церкви во имя Божией Матери (о ней говорит еще, как видно выше, Жан де Мандевиль), грубо сложенной из неотесанных камней. Путь поворачивает отсюда на восток и чрез пятнадцать минут приводит к portalу без двери, замыкающему узкий проход между скал. У этого прохода в прежние времена постоянно находился монах, исповедо-

¹⁴ Robinson E. Biblical Researches in Palestine and the Adjacent Countries. V. 1–3. London, 1867.

вавший поклонников, без чего последним не дозволен был вход на вершину. На перемычке прохода виден крест, по поводу которого монахи рассказывают, что на вершину Синая хотел взойти когда-то еврей, но неожиданно явившийся железный крест заградил ему путь в том месте, где теперь устроен портал, и еврей, пораженный этим чудом, принял крещение. Неподалеку от этого прохода находится другой, такой же, а за ним природная платформа, с которой открывается великолепный вид на вершины Синая и Екатериной горы. Чрез десять минут отсюда достигают большой неправильной котловины, замкнутой отовсюду гигантскими утесами Синая и Хорива. Здесь гора разделяется на две вершины, из которых одна составляет собственно Синай, а другая – Хорив.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.